

Заметив, что Фан Чжуншань так и застыл на месте, Линь Фэн добродушно усмехнулся. Он отбросил в сторону бамбуковую корзину и шумно шагнул в воду. Не церемонясь, он с размаху хлопнул тяжелым каменным ножом по водной глади. Раздался глухой всплеск, и на поверхность, покачиваясь белым брюхом, всплыл крупный, жирный толстолобик, оглушенный точным ударом.

Вытащив добычу на берег за хвост, Линь Фэн повернулся и покачал головой: Фан Чжуншань по-прежнему сидел на корточках у самой кромки воды, не отрывая взгляда от земли.

— Чего застыл? — удивленно окликнул его дядя Линь. — Тут рыбы полно, а ты даже палец о палец не ударил!

Фан Чжуншань будто и не слышал вопроса. Он заворуженно разглядывал невзрачный кустик у своих ног.

Растение ютилось у самой воды плотными, округлыми пучками. Ни единой лишней веточки — лишь хрупкие стебли изумрудного цвета, увенчанные крошечными веерообразными листьями. Они тихонько подрагивали от водяной пыли, летящей со стороны бурлящего ручья.

Это была трава-светильник. Фан Чжуншань сразу узнал ее — первая по-настоящему ценная находка с тех пор, как он впервые ступил на тропы горы Одинокого Шамана.

В отличие от травы Драконьего Языка, которая ковром устилала подножие горы, трава-светильник отличалась редким капризом. Она приживалась только у кристально чистых источников, глубоко пуская корни в мягкую, щедрую на влагу красную глину. Найти ее считалось огромной удачей.

В своей прежней жизни, будучи простым травником, Чжуншань уже сталкивался с этим растением. Но тогда по молодости и неопытности он срезал его как попало, погубив целебную силу и упустив верную прибыль. Теперь он не совершит прежних ошибок.

Линь Фэн выбрался из заводи, швырнул бьющуюся рыбину подальше на траву и подошел поближе. Присев рядом, он с любопытством уставился на кустик.

— Забавная травка, симпатичная, — протянул Линь Фэн, подходя ближе. — Сколько здесь ходил, раньше не примечал.

«Но какой бы милой ни была эта травка, разве сравнится она со свежей рыбой на ужин?»

— Дядя Линь, я соберу немного этой травы с собой, — Фан Чжуншань указал на зеленые стебли. — Места в корзинах маловато, так что твой улов лучше связать простой веревкой.

Охотник лишь плечами пожал — ну надо же, развел важность из-за лесного сорняка. И зачем

беречь его в плетенке, точно драгоценность?

Чжуншань лишь загадочно улыбнулся. Мало кто знал, что трава-светильник требует особого обращения. Ее прямой, тугой стебель и нежные листья находятся в вечной борьбе: если срезать их вместе, сок увянет, а сила испарится.

Присев удобнее, он аккуратно приставил каменное лезвие к самому основанию веерообразных розеток. Срезая крошечные листья один за другим, он бережно укладывал их ровными слоями на дно корзин. Вскоре дно обеих плетёнок скрылось под ковром из сочной зелени.

Линь Фэн не стал лезть с расспросами. Характер у него был легкий: выловив из заводи еще несколько жирных толстолобиков, он устроился на сухом пригорке и принялся не торопясь вить прочную веревку из прибрежного лыка.

К тому времени, как оба управились со своими делами, багровое солнце начало лениво скатываться за вершины деревьев. Сумерки в этих краях опускались стремительно, а оставаться на горе Одинокого Шамана ночью — затея гиблая. Не теряя времени, мужчины двинулись в обратный путь.

Охотник шел бодро, не замечая тяжести — за спиной у него связкой висели четыре крупные рыбины, то и дело бившие хвостами по его куртке.

— Я же говорю тебе, парень, — весело хмыкнул охотник, когда они начали спускаться. — Странный ты: добрую рыбу брать не хочешь, зато набрал полный кузовок травы. Гляди, до добра это не доведет!

Вдруг Линь Фэна осенила тревожная мысль, от которой он даже поежился.

— Послушай, я ведь сколько лет по этим склонам хожу, а такого чуда сроду не видывал. Вдруг она ядовитая? Ты это... не вздумай ее в котел бросать! Не ровен час, потравишься — кто тогда твоего Сяо шуаньэра опекать будет?

— Не беспокойся, дядя Линь. Варить я ее точно не стану.

«В прежние годы старые мастера-травники говаривали, что за одну горсть сушеной травы-светильника можно выручить круглую сумму — городские аптекари с руками оторвут, — Фан Чжуншань бережно укладывал листки. — Как обстоят дела в Стране Великого Спокойствия, я пока не знаю, но целебные снадобья ценились во все времена. Разве поднимется рука переводить такое сокровище на суп?»

Успокоившись, Линь Фэн облегченно выдохнул. Парень он был неглупый, рассудительный, напрасно рисковать не станет.

У самого подножия горы, где их тропы расходились, охотник ловко перерезал веревку, снял с плеча двух самых жирных толстолобиков и решительно всучил их Фан Чжуншаню.

— На, держи. — А то воротишься домой с охапкой сена, как перед своим Сяо шуаньэрэм оправдываться будешь?

Фан Чжуншань не ждал такого подарка. Скользкие тяжелые рыбы едва не выскользнули из его ладоней, но от грубоватой заботы старшего товарища на душе стало удивительно тепло.

Отнекиваться и обижать доброго соседа отказом не хотелось. Чжуншань благодарно улыбнулся:

— Спасибо, дядя Линь. Вот раскручусь немного — обязательно закачу для тебя пир горой!

— Да ну тебя! — отмахнулся Линь Фэн и притворно закатил глаза. — Карася поймать сам не можешь, а туда же — пировать! Ладно уж, пускай твой ненаглядный Жан-эр сварит уху, да со мной поделится — вот и будет мне лучшая плата.

Фан Чжуншань только хмыкнул. Вот оно что! Оказывается, старый охотник просто соскучился по стряпне Цзян Жана.

Вернувшись домой с корзинами наперевес и парой увесистых рыб, Фан Чжуншань едва успел ступить во двор, как к нему навстречу радостно выбежал Цзян Жан.

— Ого! Какая огромная! — ахнул юноша, широко распахнув глаза.

В его прежней семье рыбу подавали к столу разве что на праздники, да и то мелкую костлявую плотву. Такого дива, как эти толстолобики, он отродясь не видел. Круглые, плотные, с огромными головами и лоснящимися боками, рыбы так и лопались от жира. Крупная чешуя отливала жидким золотом в лучах уходящего солнца.

Любопытный Сяо шуаньэр тут же присел на корточки и осторожно ткнул пальцем скользкий рыбий хвост.

Толстолобики оказались на редкость живучими — проделать столь долгий путь с горы в душной связке и не испустить дух! Стоило пальцу Цзян Жана коснуться чешуи, как лежащая без движения рыба яростно изогнулась и подпрыгнула.

От неожиданности парень испуганно ойкнул и шмякнулся на землю прямо на пятую точку.

Фан Чжуншань, как раз бережно пристраивавший корзины с травой-светильником под навесом, обернулся на шум и застал эту картину. На лице его сама собой расплылась улыбка.

Качая головой, он поспешил на помощь к своему маленькому супругу, рывком поднял его на ноги и шутливо поинтересовался:

— Ну как, мягко приземлился? Попа не болит?

Вопрос прозвучал столь двусмысленно, что Цзян Жан, хоть и не до конца понял скрытый намек, мгновенно залился густой краской до самых кончиков ушей.

Сгорая от смущения и притворной злости, он высвободил плечи из рук мужа и сердито пригрозил распластавшейся рыбине:

— Ну погоди у меня... — Вот отправлю тебя сейчас прямо в котел!

Из родительского дома они привезли совсем немного риса, и Цзян Жан уже голову сломал, как растянуть остатки крупы на полноценный ужин. Находка пришлась как нельзя кстати. Юношу осенило: можно сварить наваристую рисовую кашу с тонкими ломтиками нежной рыбы. Так и сытно будет, и драгоценный рис удастся сберечь.

По заведенному у Линь Фэна правилу после каждого похода в горы полагалось отдыхать два дня. Фан Чжуншань, не решаясь бродить по неизведанным таежным тропам в одиночку, охотно последовал его примеру. Вынужденную передышку он решил посвятить обработке добычи. Лучшим способом сохранить целебную силу листьев травы-светильника была сушка под прямыми солнечными лучами. Стоило им хорошенько просохнуть, и товар можно было смело нести в любую городскую аптеку.

Высушенные листья заваривали как укрепляющий чай или растирали в порошок для приготовления сложных лекарственных смесей.

Погода благоволила: небо стояло безоблачным. Чтобы помочь мужу, Жан-эр на скорую руку сплел просторный круглый поднос из бамбукового лыка. На нем было удобно раскладывать зеленые розетки в один слой.

— Старший брат Чжуншань, неужели эти листочки действительно такие дорогие, как ты говоришь? — любопытствовал юноша, аккуратно расправляя зелень под ласковыми лучами солнца.

Фан Чжуншань и сам не ведал здешних расценок, а потому лишь неопределенно растопырил ладонь, показывая пять пальцев:

— Думаю, не меньше этого.

«Ого! Целых пять медных монет!»

В его глазах это было целое состояние. Один поход в лес — и вот тебе пять монет да две жирные рыбины в придачу! Куда выгоднее, чем целыми днями гнуть спину над бамбуковым плетением.

— Жаль только, что я родился Сяо шуаньэром, — со вздохом добавил он, погрузнев. — Был бы обычным ханьцзы, ходил бы на гору вместе с тобой.

В деревне Речного Отдыха к Сяо шуаньэрам испокон веков относились строго. Им не позволялось ни гостей встречать от имени семьи, ни заявлять права на наследство. А уж соваться на гору Одинокого Шамана и вовсе считалось святотатством. Местные суеверно шептались, будто Сяо шуаньэры несут на себе печать несчастья, и стоит им переступить невидимую границу леса, как разгневанный горный дух найдет на деревню беду.

Фан Чжуншань лишь презрительно фыркнул, услышав про эти глупые бредни.

— Вот изучу тропы получше, — пообещал он, — и мы обязательно сходим туда вдвоем. Там, высоко в горах, есть шумный водопад. Вода с ревом падает прямо с утеса в глубокую чашу — зрелище неописуемое! Собственно, там мы с дядей Линем этих толстолобиков и поймали.

От его рассказов у Цзян Жана сладко защемило в груди. Он слушал затаив дыхание, мысленно уже бродя среди вековых сосен и вглядываясь в хрустальные горные брызги.

За тихими разговорами время пролетело незаметно. Листья травы-светильника аккуратными рядами разложили сушиться прямо перед порогом дома.

Пока сумерки окончательно не сгустились, Цзян Жан ушел в кухню разводить огонь. Рыба, годами нагуливавшая жир в ледяной горной заводи, оказалась необычайно нежной. Томясь в котелке на медленном огне, она наполнила дом таким густым, аппетитным ароматом, что у Фан Чжуншаня сразу заурчало в животе. За ужином он не заметил, как опустошил две большие пиалы наваристой, исходящей паром каши.

С тех пор как они поселились здесь, их жизнь вошла в спокойную, размеренную колею: вставали с первыми лучами солнца, ложились с наступлением темноты. Обычно после ужина они вместе шли умываться и устраивались спать, но этот вечер стал исключением.

Фан Чжуншань не спеша отложил палочки, вытер рот и мягко проговорил:

— Ты ложись сегодня пораньше, Жан-эр. Мне нужно закончить работу во дворе — каменный нож совсем затупился, придется посидеть допоздна.

Цзян Жан удивленно приподнял брови:

— Зачем так изнурять себя в темноте? Утро вечера мудренее, на рассвете и наточишь.

Однако Фан Чжуншань проявил редкое упрямство:

— Нет, нож должен быть готов именно сегодня. Завтра недосуг будет возиться, да и инструмент нужен острый. Иди отдыхай, не спорь. Тебе силы понадобятся — забыл, что завтра нам нужно навестить твоих родных?

<http://bllate.org/book/19394/1959790>